

Научная статья
УДК 811.161.1'37
doi: 10.17223/22274200/25/4

Аксиология неофразем и фразеотрансформаций в лексикографической интерпретации

Валерий Михайлович Мокиенко¹,
Татьяна Геннадьевна Никитина²

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

² Псковский государственный университет, Псков, Россия

¹ mokienko40@mail.ru

² cambala2007@yandex.ru

Аннотация. Представлена авторская концепция аксиологически ориентированной словарной репрезентации неофразем и трансформированных фразеологизмов. Показаны тенденции в сфере фразеомообразования и фразеомообразования, рассмотрена динамика аксиологического содержания оборотов. Предлагаются приемы параметризации фразеологических неологизмов, обеспечивающие комплексную экспликацию их аксиологической нагруженности в толковом фразеологическом словаре, сленговых словарях и словаре фразеологических трансформаций.

Ключевые слова: фразеология, лингвоаксиология, фразеологическая неология, неофразама, трансформации фразеологизмов, лексикография, словарная статья, интернет-мем

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20-18-00091, реализуемый в Санкт-Петербургском государственном университете).

Для цитирования: Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Аксиология неофразем и фразеотрансформаций в лексикографической интерпретации // Вопросы лексикографии. 2022. № 25. С. 81–107. doi: 10.17223/22274200/25/4

Original article

doi: 10.17223/22274200/25/4

Axiology of neophrasemes and phraseotransformations in lexicographic interpretation

Valery M. Mokienko¹, Tatiana G. Nikitina²

¹ Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

² Pskov State University, Pskov, Russia

¹ mokienko40@mail.ru

² cambala2007@yandex.ru

Abstract. The article presents the authors' solution to the problem of dictionary description of neophrasemes and transformed phraseological units. The aim of the article is to show the axiology of phraseological neologisms in its dynamics and to reveal the possibilities of lexicographic interpretation of the evaluative vector of new and transformed phraseological units. The lexicographic experience accumulated by the authors in this direction is summarized. The models of axiological parameterization of phraseological neologisms developed for the updated versions of phraseological and slang dictionaries using the method of structural-semantic modeling, contextual, historical-etymological and linguoculturological analysis are shown on the phraseological material of the last three decades. The research revealed trends in updating the phraseology of the national language and its social variants. The sources of new axiological phraseological units in the field of literature, cinema, political discourse, and advertising are considered. The axiological semantics of neophrasemes borrowed from the English language, reflecting new facts and trends in the sociopolitical and economic spheres, is determined. The results of the study have led to conclusions about the optimal ways of representing the axiological semantics of neophrasemes, developed in addition to the materials of the *Large Dictionary of Russian Sayings*, the *Large Dictionary of Russian Jargon*, and the special dictionary of new Russian phraseology: for this purpose, not only traditional "stylistic" marks can be used, but also evaluatively oriented definitions and comments that reveal the motives of naming and chronotopic labeling of neophrasemes. As illustrations, in addition to text fragments, Internet memes that explicate the meaning of phraseological neologisms will be useful. The expediency of creating a special dictionary of phraseotransforms, in most cases implementing the function of evaluating objects and phenomena in socially significant areas, is proved. An algorithm for describing phraseotransforms in a complex dictionary entry under the heading in the form of a phraseological unit in canonical form is presented. This will make it possible to trace the evaluative constants of linguaculture and the reorientation of the axiological

vector and the function of the phraseological unit, which in the act of transformation loses its negative evaluativeness, turns into a hashtag, a fragment of an email address or is remotivated and becomes a visual phraseo-joke in the format of an Internet meme. The results of the study will be useful for the development of the theory of linguoaxiology and phraseographic practice.

Keywords: phraseology, linguoaxiology, phraseological neology, neophraseme, transformations of phraseological units, lexicography, dictionary entry, Internet meme

Acknowledgments: The study is funded by the Russian Science Foundation (Project No. 20-18-00091, implemented at St. Petersburg State University).

For citation: Mokienko, V.M. & Nikitina, T.G. (2022) Axiology of neophrasemes and phraseotransformations in lexicographic interpretation. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 25. pp. 81–107. (In Russian). doi: 10.17223/22274200/25/4

Введение

Фразеологические неологизмы – неофраземы (созданные заново или заимствованные из других языков фразеологизмы, не зарегистрированные толковыми словарями) и фразеотрансформы (фразеологизмы, модифицированные структурно и / или семантически в новых социокультурных условиях)¹ – давно стали объектом разноплановых лингвистических исследований. Основательно изучены способы образования неофразем и преобразования узуальных фразеологизмов [2–4], выявлены интра- и экстралингвистические предпосылки обновления фразеологического состава [5–6], исследованы особенности функционирования неофразем и трансформов в различных социальных сферах и типах дискурса [7–8], рассмотрены закономерности обновления фразеологии в межъязыковом плане [9–12]. При этом определенное, но явно недостаточное внимание уделяется оценочному содержанию фразеологических неологизмов: в лингвоаксиологическом аспекте описаны лишь отдельные группы неофразем интернет-дискурса, политической сферы, разговорной речи [13–15].

Источниками материала для работ по фразеологической неологии наряду с интернет-сайтами, записями разговорной речи и текстами

¹ Определения даны в соответствии с трактовкой фразеологических неологизмов [1. С. XI].

НКРЯ становятся и словари неологизмов, однако теоретические проблемы фразеологической неогрфии и практические вопросы словарной параметризации фразеологических неологизмов затрагиваются крайне редко [16–17]. Не находит отражения в таких работах и проблематика экспликации оценочных смыслов неофразем и трансформов, которая представляется особенно актуальной в связи с необходимостью исследования динамики фразеологического фонда в социокультурном контексте современности. Цель данной статьи – показать аксиологию фразеологических неологизмов в ее динамике и раскрыть возможности лексикографической интерпретации оценочного спектра новых и трансформированных фразеологических единиц (ФЕ).

Обобщим накопленный в этом направлении лексикографический опыт, используя материалы, фиксирующие неофразеологию в начале каждого из трех десятилетий XXI в., а также представим новые модели комплексной аксиологической параметризации материала, разработанные с использованием метода структурно-семантического моделирования, приемов контекстуального, историко-этимологического и лингвокультурологического анализа для обновленных версий «Большого словаря русских поговорок» [18], «Большого словаря русского жаргона» [19] и нового проекта с рабочим названием «Словарь фразеологических трансформаций», который продолжит традиции лексикографической репрезентации паремиологических трансформов [20; 21. С. 666–681.].

Неофраземы в лексикографических концепциях XXI в.: объект номинации и вектор его оценки

Материалы словаря В.М. Мокиенко «Новая русская фразеология» [1] представляют результаты своеобразного «контрольного среза» фонда фразеологической неологии в его состоянии на начало 2003 г.

Новые на тот момент ФЕ, отобранные из 250 лексикографических и публицистических источников, художественной литературы и фиксаций живой речи, наряду с традиционными для антропоцентричной фразеологии пейоративно ориентированными темами (пьянство, обман, лень, глупость, недобросовестный труд и т.п.) проявляют и особую аксиологическую избирательность, отражая новые факты и явления перестройки и постперестроечного периода: в сфере экономики и финансов – *отмывать деньги, теневая экономика, черный курс,*

финансовая пирамида, пластмассовые деньги, продавать воздух; криминала – крестный отец, поставить на счетчик, лечь на дно; внешней политики – афганский синдром, горячая точка, атомный погреб; внутренней политики и социально-бытовых проблем – враг перестройки, растаскивание по национальным квартирам, лицо кавказской национальности, голосовать ногами, ночная бабочка; переосмысления реалий советского периода – полный одобрямс, колхоз «Красный лапоть», артель «Напрасный труд», уходить в гудок и др.

Такие социокультурно маркированные неофраземы рубежа веков различаются степенью идиоматичности: многие из них близки к терминам, перифразам. Их «полуфразеологический статус» отмечен в предисловии к словарю [1. С. XVII–XVIII], оценочные характеристики ФЕ отражают традиционные пометы (неодобр., пориц., презр., ирон., шутил.-ирон и т.п.), происхождение раскрывается в комментарии (под знаком <), который дополняет аксиологическую параметризацию:

Враг перестройки. *Неодобр.* Противник радикальных изменений в обществе в период перестройки. < Впервые оборот употреблен В.И. Лениным по отношению к политическим противникам (1917). Сталин также употребляет его применительно к противникам своей диктатуры. Позже выражение как юридический термин стало обозначать жертв сталинского террора [Там же. С. 17].

Динамика аксиологического содержания ФЕ передается порядком репрезентации его значений:

За себя и за того парня (работать, делать что-л.). 1. *Патет.* Девиз участников движения за высокие показатели в труде в честь 30-летия Победы. 2. *Нов., ирон.* Выполнять не только свою работу, но и того члена коллектива, который работает недобросовестно (Запись 1998 г.). 3. *Нов., ирон.* Исполнять какие-л. обязанности фактивно, как подставное лицо (Запись 2001 г.). < Крылатое выражение из патриотической песни 70-х г. [1. С. 72].

Демократизации языка, начавшаяся в постперестроечный период, открыла возможности пополнения фразеологического фонда разговорной речи и медиадискурса оборотами субкультурного происхождения (прежде всего, бытующими в уголовной среде), что обеспечило экспрессивную «перезарядку» фразеологии. Как правило, такие обороты, оценивающие поведение человека, его личные качества, различные аспекты ситуаций, в которые он попадает, проходили «апробацию» в речи молодежи (*брать на понт* – ‘обманывать кого-л.’; *быть при лавэ* – ‘иметь при себе деньги’; *без мазы* – ‘бесполезно, бесперспективно’; *ставить на бабки* – ‘вымогать у кого-л. деньги’ и т.п.),

что отражено словарями сленга, изданными на рубеже веков [19, 22]. При смене сферы употребления такие ФЕ сохраняют исходные аксиологические установки, которые отражают пометы словарных статей:

ПОДЛЯНКА: *Подлянку делать* кому. Мол., неодобр. *Доставлять кому-л. неприятности*. Мы классные ребята, живем себе, никому никакой подлянки не делаем (Запись 1998 г.) < Из угол. жаргона [22. С. 519].

ПОНЯТИЕ: *По понятиям*. Одобр. угол. *В соответствии с законами преступного мира*. Этим кодам закон не писан, живут не по понятиям (Запись 1999 г.) [19. С. 460]. **По понятиям**. Мол. *В соответствии с общепринятыми нормами и правилами*. Разбирались чисто по понятиям – все честь по чести. (Запись 2001 г.) < Из угол. жаргона [22. С. 534].

Аксиологический портрет новой фразеологии конца XX – начала XXI в. был бы неполным без упоминания о внутрисистемности фразеологизмов молодежных субкультур того времени, наиболее массовыми из которых были субкультура наркоманов и так называемая «система» – объединение хиппи, постхиппи и близких к ним течений. Аксиологическая поляризация фраземикона строится в «системе» на противопоставлении своих и чужих, где первые – это *системная (тусовая) герла* – ‘девушка-хиппи’, *системный (тусовочный) человек* – ‘мужчина-хиппи’, *стритовый пипл* – ‘члены группировки хиппи’ и др. На другом полюсе оценки – те, кто не в «системе», кто оставил или предал ее. Пометы лексикографов, толкования, построенные на базе определений, записанных от представителей субкультуры, и контексты употребления ФЕ в актах субкультурной коммуникации раскрывают отношение хиппи к таким «товарищам»: **Стукач приментованный, пренебр.** *Хиппи*. Доносчик, выдающий милиции своих товарищей-хиппи [23. С. 45]. *Разоблачение от имени Иванова – есть такой стукач приментованный* [22. С. 677]. Ср. также неодобрительные: *выпасть из системы* – ‘перестать общаться с членами группировки хиппи, отойти от движения хиппи’, *быть на солидоле* – ‘одеваться в обычную одежду (не так, как принято у хиппи)’, *мажорный прикид* – ‘одежда не принадлежащего к хиппи человека’ и др.

В субкультуре наркоманов – иные ономаксиологические доминанты оценочной фразеологической номинации. В отличие от сленговой фразеологии хиппи и постхиппи, которая потеряла актуальность вместе с данной субкультурой в первое десятилетие XXI в., не оставив особого следа в общемолодежном фразеологическом фонде, как, впрочем, и немногочисленные неофраземы также утративших попу-

лярность субкультур «люберов», фарцовщиков, мажоров, кришнаитов и др., фразеология наркоманов, постоянно обновляясь, активно функционировала и в период нашего второго «среза» русского фразеологического фонда, результаты которого отражены в «Большом словаре русских поговорок» (2013) [18] и тематическом словаре молодежного сленга «Ключевые концепты молодежной культуры» (2013) [24].

Аксиологически маркированным оказался фразеологический материал рубрики «Доза наркотика», где экспликацию оценочности обеспечивает комментарий, раскрывающий внутреннюю форму определительного компонента составного наименования: **Босячий чек.** Нарк. *Большая доза наркотика (чаще – героина).* < *Босячий* – от *босяк* (Угол. уваж. ‘авторитетный вор’). **Крысинный чек.** Нарк. Небольшая доза наркотика (как правило – героина). < *Крысинный* от *крыса* (пренебр. ‘член преступной группировки, ворующий у своих, доносчик, предатель’) [Там же. С. 288]. Образные наименования наркотиков (рубрика «Наркотик») также позволяют сделать вывод об эмотивно-оценочных (в данном случае – положительных) коннотациях сленгизмов: *небесная (серебряная) пыль* (‘кокаин’), *прекрасная леди Хэмп* (‘марихуана’), *божья травка* (‘гашиш’), *инструменты для улыбок* (‘сигареты с наркотическим веществом’).

Здесь же в оценочно ориентированной подрубрике «Качество наркотика» описываем оппозицию ‘наркотик высокого качества’ – ‘некачественный наркотик’: **План «Маршал ГОЭЛРО».** Шутл.-одобр. *Гашиши высокого качества.* < Контаминация историзмов *План Маршалла* и *План ГОЭЛРО* /план – ‘гашиш’/ [Там же. С. 300]. **Большая дрянь.** Неодобр. *Гашиши низкого качества /дрянь – ‘гашиш’/* [18. С. 202; 24. С. 299]. Аксиологически противопоставлены рубрики, отражающие состояние наркомана: мучительный «Наркотический голод» (он обозначается фразеологизмами *уйти в тупняки*, *быть на ломах*, *кум мучает* (кого) и т.п.) и возделенное «Наркотическое опьянение (эйфория)»: одобрительное *поймать (выхватить) кайф* (‘испытать наркотическое опьянение’), шутливо-одобрительное *ловить рыбу плинтус* (‘видеть галлюцинации в состоянии наркотической эйфории’), *горбатый приход* (‘многократно переживаемое или длительное состояние наркотической эйфории’). В рубрике «Наркоман» наименования представителей субкультуры по употребляемому наркотическому средству складываются в ироническое обобщение-поговорку, содержание которой расшифровывается в толковании:

Сначала плановой, потом игловой, а потом и гробовой. Ирон. *Наркотики приводят к смерти.* < Плановой от план ('гашиш') [24. С. 292]. Использование иллюстративного контекста как средства верификации аксиологической направленности содержания ФЕ покажем на примере следующей статьи:

Золотой укол. *Последняя (перед смертью) инъекция наркотика, доставляющая наркоману особенно сильное наслаждение.* Мне остался лишь золотой укол, я дошел до точки [18. С. 681; 24. С. 330].

По этой же ономасиологической модели строится аксиологический фраземикон активно функционирующих в первом десятилетии XXI в. спортивных и творческих молодежных субкультур – брейкеров, байкеров, скейтеров, роллеров, рэперов, граффитистов. Оценочные ФЕ, размещенные в соответствующих рубриках раздела «Молодежные субкультуры» [24. С. 548–567], характеризуют представителей этих субкультур, их действия, результаты действий, используемые в субкультурной деятельности средства, инструменты. Эти крайне экспрессивные фразеологизмы (ср., напр.: *графф Толстой* – графф., шутол.-уваж. 'граффитист высокого класса', *железная задница* – байк., шутол.-уваж. 'байкер, проехавший 1 000 миль (1 680 км) в день', *дать гвоздя* – брейк., одобр. 'хорошо выполнить вращение на голове', *бекон на сковороде* – скейт., шутол.-ирон. 'упавший в рампе скейтбордист' и т.п.) не вышли за пределы субкультурных сфер и до настоящего времени активно используются там, в отличие от получивших широкое распространение в медиасфере и разговорной речи молодежи и также быстро потерявших актуальность 2–3 оценочных оборотов из речи «падонков» – представителей сетевой субкультуры, культивировавшей нарочитое искажение орфографического облика слова: *аффттар жжот*, *аффттар пеши есчо* (одобр. или шутол.-ирон. – высокая оценка результатов чьей-л. работы), *аффттар вытей йаду* (неодобр. – крайне отрицательная оценка чьей-л. деятельности, результатов работы) < Первоначально – оценка текстов в «падонковском» стиле [Там же. С. 175–185].

Источниками новой фразеологии в первом десятилетии XXI в. традиционно становились литература, кино, фольклор (в основном анекдоты), сфера рекламы, о чем можно судить по данным ресурса «Фразы десятилетия» 2000–2010», разработанного в 2011 Центром творческого развития русского языка (СПбГУ; МАПРЯЛ)¹, при этом

¹ http://wikireality.ru/wiki/Фразы_десятилетия_2000-2010

нельзя не отметить, что активизации фразем способствовало их функционирование в роли вербального компонента популярных интернет-мемов, которые квалифицируются как культурологически значимые единицы поликодового интернет-дискурса, содержащие вербальный и невербальный компоненты [25. С. 3–4; 26. С. 9]: *Не тормози – сникерсни* (< реклама батончика «Сникерс», переходящая в антирекламу: фразой сопровождаются изображения тучных людей, неаккуратно поедающих сладости и т.п.); *Не дай себе засохнуть* (< реклама напитка Sprite: смешные фото домашних животных, пьющих из крана, из бутылки через соломинку и др.); *Ну, вы, блин, даёте!* (< к/ф «Особенности национальной охоты»; интернет-мем: изображение крайне удивленного человека или анимированного животного¹ (рис. 1).



Рис. 1. Ну, вы, блин, даёте!

Фразеомемы, банк которых собран нами и постоянно пополняется, будут использоваться в готовящемся к переизданию «Большом словаре русских поговорок» в качестве визуальных иллюстраций наряду с текстовыми употреблениями ФЕ, что в совокупности с лингвоак-

¹ Здесь и далее представлены интернет-мемы, созданные по шаблонам на портале <https://www.meme-arsenal.com>

сиологическим комментарием позволит отразить самые тонкие нюансы оценочных коннотаций:

Улыбаемся и машем. *Разг. Шутл.-ирон.* Призыв не показывать своих чувств, мыслей, состояния. *Улыбаемся и машем. Мы попали в зомбоящик /телевизор/* (<https://lurkmore.net>) < Из мультфильма «Мадагаскар» (2005): фраза Шкипера-пингвина, который просит друзей помахать отплывающему судну и не сообщать о закончившемся топливе. (Иллюстрация: интернет-мем с изображением пингвинов с флагами Евросоюза, машущих отплывающему кораблю с названием «Великобритания».)

Белый и пушистый. *Разг. шутл. или шутл.-ирон.* Лишенный недостатков, доброжелательный, миролюбивый (что не всегда соответствует действительности). <...> *Далеко не для всех ты окажешься белым и пушистым, которого просто невозможно не любить* (А. Верещагин)¹. < Из анекдота: лягушка утверждает, что она белая и пушистая, а ее внешний вид (зеленая, скользкая, отвратительная) – это просто болезнь. Отсюда – ироническое переосмысление сочетания (Иллюстрация: интернет-мем с изображением чудовища, покрытого белой пушистой шерстью; рис. 2).



Рис. 2. Я белый и пушистый

Медиадискурс первого десятилетия XXI в. обогатил аксиологический фонд фразеологии заимствованными из английского языка образными составными наименованиями оцениваемых фактов и тенденций

¹ <https://www.litmir.me/br/?b=558870&p=1>

в социально-политической и экономической сферах: *грязные технологии* (*dirty tricks*), *двойные стандарты* (*double standards*), *теневого кабинет* (*shadow cabinet*), *галопирующая инфляция* (*runaway inflation*), *офисный планктон* (*office plankton*) и др., а также «собственно российскими» афоризмами-идиомами [27–28], которые лексикографически разработаны Н.В. Баско [29. С. 112–182], С.Г. Шулежковой [30], Л.П. Дядечко [31].

Как отмечает О.В. Григоренко, многие новые фразеологизмы отличаются хронотопной социокультурной маркированностью [27. С. 153], экспликация которой в словарной статье позволит соотнести мотив наименования с определенным историческим моментом и его оценкой в реальном времени, что и будет реализовано в новой версии нашего «Большого словаря русских поговорок» [18]:

Кошмарить бизнес. *Публ. неодобр.* Препятствовать развитию бизнеса многочисленными проверками. < Из речи Д.А. Медведева, президента РФ (2008–2012): «Надо, чтобы наши правоохранительные органы и органы власти **перестали кошмарить бизнес**» (июль 2008 г.).

Оборотни в погонах, чаще мн. *Публ. презр.* Представители силовых структур, занимающиеся противоправной деятельностью, уличенные в коррупции. < Определение, данное Б. Грызловым (министр внутренних дел РФ, 2001–2003) генерал-лейтенанту В. Ганееву, начальнику Управления безопасности МЧС РФ, и группе сотрудников Московского уголовного розыска, осужденным в 2006 г. за рэкэт частных предпринимателей и сговор с преступными группировками.

Этот же принцип реализуется и при лингвоаксиологической параметризации материалов второго десятилетия XXI в. в рамках очередного лексикографического «среза» фонда неофразем, в том числе «полуфразеологических наименований»: культурно-исторический комментарий укажет на связь неофразем с протестным движением на Украине (*небесная сотня, правый сектор, одесская Хатынь*), присоединением Крыма к России (*крымская весна, вежливые люди, Крым наш*) и др. [10. С. 177]. На этом материале покажем еще один лексикографический прием репрезентации оценочной хронотопной маркированности ФЕ – взаимные отсылки, позволяющие проследить социокультурную обусловленность динамических процессов в сфере фразеологии:

Бессмертный полк. *Публ.* Народное движение по сохранению памяти о Великой Отечественной войне; шествия, организуемые этим движением в День Победы (с 2012 г.). < Участники шествий несут фотографии ушедших из жизни родственников – участников Великой Отечественной войны и символического бессмертного полка. См. также *Окна Победы (ОКНО)*.

Окна Победы. Публ. Всероссийская акция, приуроченная к Дню Победы в 2020–2021 гг., когда в условиях пандемии коронавируса не проводилось шествие Бессмертного полка. < В окнах квартир и различных учреждений, украшенных георгиевскими лентами, поздравительными надписями, цветами, были выставлены портреты участников Великой Отечественной войны. См. также *Бессмертный полк (ПОЛК)*.

Хронотопными маркерами неофразем и близких к ним составных наименований 2020–2021 гг. стали компоненты, тематически связанные с пандемией: *вирусный, масочно-перчаточный, иммунитет, обсервация* и др. – *вирусная вечеринка, вирусный гулаг, масочно-перчаточный режим, выйти на плато, коллективный иммунитет, социальная дистанция, творческая обсервация* [32]. Такие обороты являются средством формирования целого спектра оценочных смыслов медиатекста от безобидной шутки (напр.: *социальная дистанция* как вербальный компонент интернет-мема на портале «Яндекс. Картинки»: фигуры скульптуры «Рабочий и колхозница» разделены полтора метрами) до горькой иронии в заголовке поста в социальной сети политолога Н. Севостьянова (*Коронавирус ненависти*), который ставит вопрос: что связывает провокации Киева в Донбассе и охоту на украинцев, приехавших из Китая в момент вспышки там эпидемии коронавируса¹.

Широкое распространение в последние годы получили и образные составные наименования *зеленая экономика, зеленый туризм, зеленые технологии* и т.п., положительная оценочность которых обеспечивается компонентом *зеленый*, что при структурировании соответствующих словарных статей будет подчеркнуто в комментарии: < *Зеленый* – здесь: ‘экологически чистый, не наносящий вреда человеку окружающей среде’. В сходных по структуре частотных оборотах с компонентом *информационный* – вектор оценочности, как правило, негативной, определяется субстантивным компонентом: *информационное загрязнение* (англ. *information pollution*), *информационная интоксикация* (англ. *information intoxication*), *информационный пузырь (пузырь фильтров)* (англ. *filter bubble*), *информационная война* (англ. *information war*) и др. Подчеркивая англоязычное происхождение этих терминов в словарных статьях, мы отмечаем в комментарии, что они заимствованы в исходном значении с оригинальными оценочными характери-

¹ https://vk.com/wall-3223620_1539739

стиками: **Информационное загрязнение**. Публ. неодобр. Наполнение информационных ресурсов бесполезной, неполной, искаженной информацией. < Из англ.: *information pollution*, неодобр. в том же значении.

Любопытным заимствованным оборотом данной тематической сферы проиллюстрируем переход в медиадискурс неофразем из молодежного сленга второго десятилетия XXI в. Интернет-мем, визуализирующий образ исходной оценочной ФЕ и позволяющий восстановить ключевой «нулевой» компонент русской неофраземы (рис. 3), может быть использован как визуальная иллюстрация в дополненном переиздании «Большого словаря русского жаргона» [19]:

Наброс (вброс) на вентилятор. Мол., публ. неодобр. или шутил-ирон. Публикация (в Интернете) провокационных материалов, подрывающих чью-л. репутацию. < От англ. жарг.: *shit hits the fan* (букв.: «Дерьмо попало в вентилятор»). А публикации типа той, что была в *The Washington Post*, – всего лишь еще один наброс на вентилятор. Очередная и явно не последняя атака глобальных демократов на Трампа (Д. Лекух)¹.



Рис. 3. Наброс на вентилятор

Сохраняющаяся в последние годы тенденция, которую отразят материалы обновленного словаря русского жаргона, – это пополнение фонда экспрессивных средств выражения оценки за счет заимствования из английского языка фразеологизмов в готовом виде без их морфологической адаптации в молодежном сленге: *изи пизи* (англ. сленг. *easy peasy*) – одобр. ‘очень легкого, просто’; *эпик фейл* (англ. *epic fail*) –

¹ <https://agitpro.su/vsego-lish-ocherednoj-nabros-na-ventilyator/>

‘полный провал, крах (о котором обычно рассказывают в назидание)’; *фо рилзис* (англ. сленг. *for realsies*) – ‘действительно, в самом деле (уверение в истинности высказывания)’, *ориджинал стафф* (англ. *original stuff*) – одобр. ‘фирменная вещь’. А если речь идет об образовании аксиологически заряженных неофразем по моделям, в том числе с использованием иноязычного материала, то наиболее продуктивными здесь оказались:

а) модель определительно-обстоятельственных одновершинных ФЕ: *по + (сущ. Д.П.)*, где именной компонент может быть представлен различными по происхождению и стилистической принадлежности словами, определяющими значение оборота, в том числе подвергшимися трансформациям: *по максу* – одобр. ‘максимально, по максимуму’, *по фану* – одобр. ‘с удовольствием’ (сленг. *фан* – ‘удовольствие’; из англ.: *fun*), *по фасту* – ‘быстро’ (англ. *fast* – ‘быстро’) и др.;

б) модель ФЕ со значением состояния: [*быть*] + (*на чём*) с теми же параметрами именного компонента: [*быть*] *на релаксе*, [*быть*] *на расслабоне* – одобр. ‘отдыхать, расслабляться’ и др.

Эти модели, известные в сленговом фразеоморфании и в прошлые десятилетия (ср.: *по приколу*, *на измене*, *на уважухе* и т.п.), будут в разрабатываемых словарных статьях иллюстрироваться новым материалом:

[Быть] на чиле. Мол. одобр. Отдыхать, расслабляться. *Мы по-прежнему на чиле, на расслабоне* (Муз-ТВ, 12.01.2022) < *Чил* (*чилл*) – сленг. ‘отдых, релаксация’, из англ.: *to chill* – ‘расслабляться’).

По дебилу. Мол. неодобр. Глупо, неразумно. *Придумали по дебилу куар-код на входе /в университет/ проверять. Теперь только к середине первой пары удаётся очередь отстоять* (Запись 2022). < Ср. *по-дебильному* от *дебильный* – бран. ‘тупой, невосприимчивый’ [33. С. 244].

Словарь фразеотрансформаций: лингвоаксиологический проект 2022

Как известно, средством обновления фонда языковых оценочных средств, помимо создания новых ФЕ, является и трансформация фразеологизмов. Процесс трансформации обеспечивает интенсификацию аксиологического содержания фразеологизма или конкретизацию семантики оборота, уточнение объекта оценки. Фразеологами основательно изучены прагматические цели индивидуально-авторских трансформаций ФЕ [34–35], как и их типы [2–3], которые классифи-

цированы по различным основаниям [36; 37. С. 17–32]. Временной диапазон текстовых источников для таких исследований составляет несколько столетий – от комедий А.П. Сумарокова [38] до рассказов Виктории Токаревой [39].

Отдельные фразеологические трансформы отражены при исходных единицах в статьях «Словаря современной русской фразеологии» А.В. Жукова и М.А. Жуковой [40], но по-прежнему крупнейшим лексикографическим собранием фразеотрансформаций, не имеющим аналогов в российской и мировой словарной практике, остается изданный на рубеже веков словарь А.М. Мелерович и В.М. Мокиенко «Фразеологизмы в русской речи» [37]. Более чем 6 000 примеров употребления в художественном и публицистическом тексте XIX–XX вв. представляют здесь преобразования 500 наиболее частотных фразеологизмов. В словарных статьях они получают классификационную структурно-семантическую характеристику (8 типов и 20 подтипов трансформаций), обозначение семантических конфигураций и актуализаторов языковой игры, эмотивно-оценочную параметризацию, которая включает не только традиционные стилистические пометы (1), но и дополнительную семантизацию трансформов (2), а также комментарии, раскрывающие истоки обновленной оценочности (3):

(1) ЛОЖКА МЁДА В БОЧКЕ ДЁГТЯ: **Вливать в бочку дегтя ложку меда.** *Шутл.-ирон.* Ролевая инверсия. *Завел в своих статьях такую моду – вливает в бочку дегтя ложку меда* (Крокодил, 1972, № 23) [37. С. 378].

(2) ДЕРЖАТЬ В ЕЖОВЫХ РУКАВИЦАХ: **Ежовая обязанность.** *Жесткие требования, условия, которые кто-л. ставит перед собой и другими.* Снимите с Базарова его мундир, дайте ему на минуту забыть свою ежовую обязанность, <...> и мы объяснимся во всем остальном в один час (А. Герцен. Еще раз Базаров) [Там же. С. 632].

(3) ЛОЖКА МЁДА В БОЧКЕ ДЁГТЯ: **Паршивая ложка.** Эллипсис ФЕ. *Шутл.-ирон. – образно, ср. паршивая овца все стадо портит. Станцию сравнивали с паршивой овцой, которая портит все беспорочное стадо, <...> с ложкой дегтя. <...> Перечислялись деяния паршивой овцы и паршивой ложки* (И. Ильф, Е. Петров. Техника на грани фантастики) [Там же. С. 379].

Такие контексты употребления трансформированных ФЕ писателями и журналистами прошлого и позапрошлого веков свидетельствуют о том, что уже в те годы трансформы реализуют функцию оценки социально значимых явлений в сфере производства, массовой информации, межличностного взаимодействия. В других случаях лексические компоненты-актуализаторы, включенные в состав ФЕ, поз-

воляют вне контекста определить конкретную аксиологическую направленность оборота: **Со своей бригадирской колокольни составить себе представление** (А. Гельман. Протокол одного заседания) [37. С. 305]. **Вставлять палки в социальные колеса хозяйства** (Северн. правда, 1982) [Там же. С. 493]. **Превращать в слонов захудалых антисоветских мух** (Правда, 1976) [Там же. С. 430]. **Загреть научный жар чужими руками** (Правда, 1976) [Там же. С. 611].

В статьях разрабатываемого нами лингвоаксиологически ориентированного «Словаря фразеологических трансформаций» трансформы одной ФЕ, зафиксированные в разные годы, будут представлены с учетом их принадлежности к одной структурно-семантической модели и объединены по общности аксиологической направленности. Таким образом, в разных социальных сферах обнаружатся не теряющие актуальности близкие по своей сути явления, получающие оценку посредством кросс-темпоральных трансформов-вариантов, ср., например: *Закидать журнальной грязью* (А.С. Пушкин. Письмо П.А. Вяземскому) [Там же. С. 187] и *закидать фейками* [Политнавигатор, 2021: politnavigator.net]; *Вынос базальтового сора из впопыхах созданной научно-производственной избы* (Правда, 1977) [Там же. С. 689], *не вынести сор из заводской или учрежденческой избы* (Правда, 1978) [Там же. С. 690] и *сор из нефелиновой избы* [Эксперт Северо-Запад, 2000: expert.ru], *сор из офисной избы* [Пояснительная по убыткам, 2011: BuhOnline.ru]; *Взять с кабинетного потолка* (Лит. газета, 1988) [Там же. С. 543] и *взять с деканатского потолка* (Студ. запись 2022).

Не менее показательна преемственность в контекстуальном развитии образного мотива, раскрывающего денотативную соотнесенность трансформы и его аксиологическую «заряженность», ср.: *Вылавливать рыбу в мутнейших водах современной политики* (Ю. Нагибин) [Там же. С. 634] и «*Ловлей рыбы в мутной воде*» назвал глава МИД РФ Сергей Лавров политику Белого дома в Сирии [Российская газета, 2018: rg.ru]; *Запад ловит «рыб-мутантов в мутной воде хаоса». Великобритания и Франция дестабилизируют ситуацию в мире, пытаясь «ловить рыбу в мутной воде»* [ФАН (Федеральное агентство новостей), 2018: riafan.ru]; *Борьба с терроризмом сегодня – это гигантский проект для ловли рыбы в мутной воде. С политиков ещё спросят за жизни и триллионные финансовые затраты, если объявленная терроризму война не даст результатов* [Наша версия, 2022: versia.ru].

Несомненно, полномасштабной лексикографической разработки ожидают и фразеотрансформы, отражающие и оценивающие новые реалии окружающего мира, например связанные с пандемией коронавируса. Наряду с пословичными трансформациями отдельные фразеотрансформы этой сферы описаны Х. Вальтером и В.М. Мокиенко в «Словаре ковидных русских антипословиц-карантинок» [41. С. 432–489]: *Вот тебе, бабушка, и коронавирус; После ковида в четверг; Ни в зум ногой; Семь пятниц на неделе, когда работаешь дома; Не все дома – это не оскорбление, а статья УК в условиях карантина.* Базой для этих продуктов лингвокреативного варьирования, насыщенных особым зарядом языковой экспрессии, являются «обкатанные» традиционные фразеологизмы, что отражают статьи словаря, который авторы называют «своеобразной смеховой вакциной против пандемии» [Там же. С. 434]:

А ВОЗ и ныне там...; Уже коронавирус на пороге, а ВОЗ и ныне там. ← *[А] воз и ныне там.* *Ирон.* О деле, которое абсолютно не движется. < Строка из басни И.А. Крылова «Лебедь, Щука и Рак» (1814), персонажи которой пытаются тянуть воз с поклажей. Но Лебедь тянет в небо, Щука – в реку, а Рак пятится назад. Воз при этом не сдвигается с места [41. С. 434].

Такую же параметризацию получит в проектируемом «Словаре фразеологических трансформаций» исходная ФЕ, которая станет заголовком макростатьи:

Переливать из пустого в порожнее. *Разг. Неодобр.* Вести пустые, бесполезные разговоры, переписку и т.п., повторяя одно и то же. <оборот известен и другим славянским языкам. Образ его шутливо-ироничен: имеются в виду два пустых сосуда, а льющаяся вода ассоциируется с болтовней, пустыми разговорами (ср.: *лить воду, заливать* – ‘врать’).

Контексты употребления фразеологизма в исходной форме (материалы XIX–XXI вв.) подтвердят его лингвоаксиологическую интерпретацию, представленную пометами, толкованием, этимологическим комментарием. Количество таких контекстов в электронной версии словаря может быть неограниченным, в бумажном формате их количество будет определяться с учетом требований издателей к общему объему словаря. Трансформы (каждая микростатья – под знаком **), традиционно располагаемые по мере нарастания степени окказиональности [37. С. 40], отразят и «историю фразеоигры», которая с каждым годом становится все более смелой, яркой, изобретательной.

Таким образом, будет отражено и смещение функции фразеотрансформов, которые все чаще выступают в роли заголовка медиаматериалов критического содержания или теряют при этом негативную оценочность, превращаясь в средство создания комического эффекта:

Переливать из пустого в порожнее. <...> *О чем говорить! Это безнадежно. Что толку переливать из пустого в порожнее* (К. Паустовский. На медленном огне, 1963). *Каждый вечер родители переливали из пустого в порожнее, обсуждая одно и то же* (Ли Бардуго, Король шрамов, 2019). ** **Многописание из пустого в порожнее.** *Неодобр.* О бюрократической волоките. *Вопрос рассмотрен, комиссия создана... Ну, а будет ли тепло в доме – так и не ясно. И здесь, как видим, вместо дела – «многописание» из пустого в порожнее* (Правда, 1981). ** **Из пустого в порожнее с пользой.** *Авто. Шутл.-одобр.* В функции заголовка статьи о полезном приспособлении с двумя гидроцилиндрами, через которые циркулирует жидкость, позволяющем снизить колебания кузова автомобиля (За рулем, 2011: zr.ru). ** **Из пустого в дорожное.** *Неодобр.* 1. В функции заголовков медиаматериалов о безрезультатном обсуждении на разных уровнях проблем дорожного строительства (Московская перспектива, 2011: mperspektiva.ru); (Коммерсант – деньги, 2013: kommersant.ru/money). 2. В функции заголовков медиаматериалов об общественных обсуждениях безопасности дорожного движения и судебных разбирательствах в случае их нарушений, не приводящих к снижению аварийности на дорогах (МК-Уфа, 2010: ufa.mk.ru); (Автотзгляд, 2009: avtovzglyad.ru). 3. Заголовок статьи о многочисленных обещаниях городских властей решить проблему парковок (Беларусь сегодня, 2009: sb.by). ** **Из пустого в пирожное.** 1. *Неодобр.* В функции заголовка статьи о телешоу с неудачной сценой обсуждения пирожных (КП, 2012: kp.ru). 2. *Шутл.* В составе заголовка статьи («Суперлига. Из пустого – в пирожное! Вкус победы для каждого свой»), рассказывающей о победе неизвестной гандбольной команды, в честь которой был назван новый вид пирожных (Спорт: футбол, хоккей..., 2019: sports.ru). 3. *Шутл.-одобр.* Заголовок статьи о соседстве двух кафе, одно из которых – не пользующаяся популярностью закусочная, другое – приятная кондитерская (Минский курьер, 2015: mk.by). 4. *Шутл.-одобр.* Заголовок рекламного материала о кондитерских Москвы (kiozk.ru, 2022).

Еще одна новая функция ФЕ, трансформированных в формальном плане (слияние), – использование их в роли хештегов (меток со знаком # для поиска информации по теме в Интернете) с сохранением оценочности (под хештегом собраны материалы с соответствующим оценочным содержанием): #бальзамнадушу; #греетдушу; #делатьсдушой; #добраядуша; #душаболит; #душакровьюобливается и т.п. [42].

Абсолютную деаксиологизацию фразеотрансформов можно наблюдать при их визуализации в формате интернет-мемов, когда они ста-

новятся самостоятельными произведениями этого юмористического жанра интернет-коммуникации.

Если для неофразем, отобранных для лексикографической разработки, реализация в форме мема служит, как правило, этимологизирующим средством, что было показано выше, то многие традиционные ФЕ в актах «мемизации» ремотивируются, превращаются в визуальную фразеошутку, которая базируется на обыгрывании многозначности компонентов:

Лед тронулся – тронуться, ср.: ‘сдвинуться с места’; разг. – ‘стать психически не совсем нормальным’ [33. С. 1347], отсюда – шутливая визуализация пересмысленной внутренней формы: врач со шприцем в руке бежит за персонифицированным куском льда, «глаза», «руки» и «ноги» которого свидетельствуют о неадекватном состоянии «пациента» (надпись: *Лед тронулся*).

Мелочь пузатая – мелочь. разг. ‘о детях’; пренебр. ‘о людях низкого общественного или служебного положения’; собир. ‘мелкая разменная монета’ [33. С. 532]: на рисунке монеты достоинством 10, 50 копеек и 1 рубль изображены как человечки с круглыми животиками (подпись: *Мелочь пузатая*).

Вербальный компонент такого интернет-мема может представлять собой и фразеологизм, уже структурно-семантически преобразованный, например, по принципу фонетической мимикрии: *обед молчания*. Визуальный компонент мема представляет собой изображение обедающей пары: мужчина и женщина за столом, на котором расставлены тарелки с едой, держат в руках мобильные телефоны и не обращают внимания друг на друга.

Эти новые тенденции в сфере фразеологии, результатом которой становится трансформация аксиологического содержания ФЕ на категориальном уровне, также должны найти отражение в статьях «Словаря фразеологических трансформаций». Семантические трансформации исходной паремии (под знаком **) будут расположены в словарной статье под номерами как новые ее значения с соответствующими оценочными пометами и комментариями. Структурно-семантические трансформации – как отдельные микростатьи под тем же значком:

Зарубить [себе] на носу что. 1. *Прост., назидат.* Запомнить твердо, навсегда. < Образовано по метафорической модели прочного запоминания: *ОТМЕТИТЬ (записать, сделать зарубку и т.п.) + ГДЕ* (наименование важного органа человеческого тела – *на носу, на лбу, на коже*); нос здесь метафорически соотносится с биркой, на которую наносили зарубки для памяти. *Следует также зарубить себе на носу, что неудача на литературном поприще в тысячу раз лучше удачи* (А. Чехов. Правила для начинающих авторов, 1885). *Заруби себе на носу, никогда*

не лести женщине, а говори всё по факту (Максим Ос, Парализованный Разум, 2020). 2. ** Шутл.-ирон. Неудачно сделать операцию ринопластики. < Буквализация значения на базе ассоциаций из сферы пластической хирургии, пользующейся все большей популярностью. *Зарубили себе на носу: 10 звезд, сделавших неудачную ринопластику* (Cosmopolitan, 2018: cosmo.ru). ** **Заруби-на-носу.** Шутл. Прозвище от фамилии Зарубин < По созвучию с компонентом *зарубить*. *Саня Заруби-на-носу у нас самый тупой, ничего не помнит, несмотря на погоняло /прозвище/* (Запись 2018). ** **#зарубисебенаносу;** **#зарубинаносу.** *Хештег в социальных сетях, под которым можно найти различные полезные советы.* **#зарубисебенаносу** Instagram videos and photos. 167 posts. Изучать цвета весело и просто (Инстаграм, 2022); **#зарубинаносу** **#говориправильно** **#русскийязык**, и передать эстафету еще трем людям (В Контакте, 2022) ** **zarubisebenanosu.** *Компонент электронного адреса, страницы в социальных сетях (от фамилии пользователя Зарубин).* Василий Зарубин (@zarubisebenanosu) ** **Зарубить на басу.** Шутл. Начать играть на бас-гитаре; научиться играть на бас-гитаре. < *Зарубить* – сленг. муз. ‘начать энергично играть на музыкальном инструменте’; *бас* – сленг. муз. ‘бас-гитара’. (В качестве иллюстрации используется интернет-мем: подпись «Заруби на басу» сопровождается изображением играющего бас-гитариста; рис. 4).

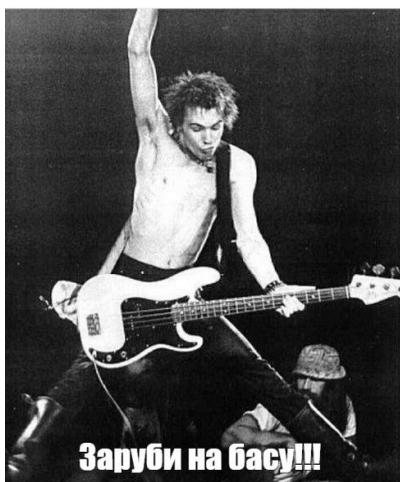


Рис. 4. Заруби на басу!

Заключение

Таким образом, по итогам последовательного анализа состояния фонда неофразем, зафиксированных словарями на протяжении каждого их трех последних десятилетий, можно говорить о тенденциях

в обновлении фразеологического состава общенародного языка и его социальных вариантов: постепенно снижаются темпы пополнения фразеологического фонда разговорной речи и медиадискурса пейоративно окрашенными оборотами, бытующими в уголовной среде и молодежной контркультуре. Традиционными источниками новой фразеологии различной аксиологической нагруженности остаются литература, кино, политический дискурс, реклама соответствующих периодов. Из английского языка в медиадискурс проникают и адаптируются оценочные образные составные наименования новых фактов и тенденций в социально-политической и экономической сферах, в молодежной речи сленговые англоязычные обороты используются без адаптации. Аксиологические аспекты семантики неофразем, разрабатываемых в дополнение к материалам «Большого словаря русских поговорок» и «Большого словаря русского жаргона», отражают не только традиционные «стилистические» пометы, но и оценочно ориентированные толкования и комментарии, раскрывающие мотивы наименования и хронотопную маркированность неофразем. В качестве иллюстраций помимо текстовых фрагментов используются и интернет-мемы, эксплицирующие оценочность оборотов. Неофраземы в такой параметризации могут быть представлены и в отдельном словаре новой фразеологии. Создание специального словаря актуально и для фразеотрансформов, в большинстве случаев реализующих функцию оценки объектов и явлений в социально значимых сферах. Разработка совокупности трансформов в макростатье под заголовком – фразеологизм в канонической форме позволит проследить оценочные константы лингвокультуры и переориентацию аксиологического вектора ФЕ, развитие исходного образного мотива и смещение функции фразеологизма, который в акте трансформации может терять негативную оценочность, превращаясь в хештег, фрагмент электронного адреса, или ремотивируется и в формате интернет-мема становится визуальной фразео-шуткой.

Список источников

1. *Мокиенко В.М.* Новая русская фразеология. Ополе : Uniwersytet Opolski, 2003. 168 с.
2. *Третьякова И.Ю.* Проявление системности модификаций фразеологизмов в синхронии // Вестник Ивановского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. 2020. № 2. С. 27–32.

3. *Третьякова И.Ю.* Особенности окказиональных замен во фразеологических единицах с компонентами-колоративами // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 2 (25). С. 55–63.

4. *Столярова А.Н.* О неофразах-кальках в современных русском и белорусском языках // Известия Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины. 2021. № 1 (124). С. 140–144.

5. *Столярова А.Н.* Образование неофразем как отражение действия внутренних законов развития языка // Русский язык на перекрестке эпох: традиции и инновации в русистике : материалы IV Междунар. конф. Ереван : Рос.-армян. ун-т, 2019. С. 110–115.

6. *Столярова А.Н.* Об экстралингвистической обусловленности неофразем // Вестник Мозырского государственного педагогического университета им. И.П. Шамякина. 2020. № 1 (55). С. 132–136.

7. *Серебрякова М.В.* Современные фразеологические новообразования: к вопросу о появлении и функционировании // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2018. № 3 (20). С. 92–95.

8. *Чурилина Л.Н.* Интернет-дискурс как среда формирования новой фразеологии // Вестник Череповецкого государственного университета. 2020. № 3 (96). С. 126–135.

9. *Мокиенко В.М.* Современная славянская неофразеология: сходства и различия // Славянские лингвокультуры в пространственном и временном континууме : сб. науч. ст. Гомель : Гомельский гос. ун-т, 2019. С. 137–146.

10. *Шулежкова С.Г.* Русские и болгарские фразеологические неологизмы как объект словарного описания // Научный диалог. 2019. № 9. С. 173–189.

11. *Мокиенко В.М., Вальтер Х.* Третье тысячелетие в зеркале словарей русских и немецких фразеологических неологизмов // Русский язык и культура. Взаимосвязи и взаимодействие : материалы VI Междунар. пед. форума. СПб. : РОПРЯЛ, 2020. С. 58–72.

12. *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Аксиология коронавирусных антипословиц // *Vochemistyka*. 2021. № 1. С. 97–116.

13. *Джинджолия Г.П.* Неофраземы в современном медиатексте // Медиациология. 2019. № 6. С. 28–40.

14. *Иванян Е.П., Аникин А.А.* «Не дружить с головой»: бытование фразеологизма в новой фольклорной форме // Рациональное и эмоциональное в русском языке : сб. трудов Междунар. науч. конф. М. : Моск. гос. обл. ун-т, 2019. С. 272–277.

15. *Декатова К.И.* Политические фразеологические неологизмы // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2021. № 2 (155). С. 117–121.

16. *Шулежкова С.Г., Михин А.Н.* Проблемы сопоставительной русско-болгарской фразеологической неографии // Теоретическая семантика и идеографическая лексикография: Словарь. Дискурс. Корпус : материалы Всерос. науч. семинара. Екатеринбург : Урал. фед. ун-т, 2019. С. 209–219.

17. Никитина О.А., Штеффенс Д. Структурно-семантические особенности новых фразеологических единиц немецкого языка и аспекты их лексикографического описания в новом «Немецко-русском словаре неологизмов» // Устойчивые фразы в парадигмах науки : материалы Междунар. науч. конфер. Тула : Тульский гос. ун-т, 2015. С. 454–464.

18. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2013. 784 с.

19. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русского жаргона. СПб. : Норинт, 2000. 720 с.

20. Вальтер Х., Мокиенко В.М. Антипоговорки русского народа. СПб. : Нева, 2005. 574 с.

21. Никитина Т.Г., Роголёва Е.И., Иванова Н.Н. Большой словарь примет. М. : АСТ : Астрель, 2009. 685 с.

22. Никитина Т.Г. Словарь молодежного сленга : (материалы 1980–2000). СПб. : Фолио-Пресс, 2003. 704 с.

23. Файн А., Лурье В. Все в кайф. СПб. : Lena Production, 1991. 196 с.

24. Никитина Т.Г. Ключевые концепты молодежной культуры : тематический словарь сленга. СПб. : Дмитрий Буланин, 2013. 864 с.

25. Савицкая Т.Е. Интернет-мемы как феномен массовой культуры // Культура в современном мире. 2013. № 3. С. 1–17.

26. Канашина С.В. Эффект обманутого ожидания в интернет-мемах как особая коммуникативная стратегия // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2017. № 10 (187). С. 9–14.

27. Григоренко О.В. Неофраземы в современном политическом медиадискурсе // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2018. № 2 (279). С. 151–155.

28. Откидач Н.А., Романова М.С. Источники пополнения фразеологизмов современного русского языка // Современные технологии: актуальные вопросы, достижения и инновации : сб. ст. IX Междунар. конфер. Пенза : Наука и просвещение, 2017. С. 129–131.

29. Баско Н.В. Фразеологизмы в языке Российских СМИ: лексикографическое описание. М. : КДУ ; Университетская книга, 2016. 192 с.

30. Шулежкова С.Г. Не смешите мои подковы! : словарь крылатых выражений из мультфильмов. Магнитогорск : Магнитогорский гос. техн. ун-т им. Г.И. Носова, 2018. 180 с.

31. Дядечко Л.П. Словарь крылатых слов и выражений нашего времени. М. : Словари XXI века, 2019. 624 с.

32. Синельникова Л.Н. Дискурс фразеологических новообразований // Дискурс-Пи. 2016. № 3-4 (24-25). С. 280–285.

33. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2000. 1536 с.

34. Давлетбаева Д.Н. Прагматические принципы порождения окказиональных фразеологизмов // European Social Science Journal. 2012. № 4 (20). С. 258–262.

35. Парфенова К.С. О трансформации фразеологизмов в текстах Санкт-петербургских газет // Балтийский гуманитарный журнал. 2017. Т. 6, № 4 (21). С. 143–145.

36. Аймагамбетова М.М. К вопросу о классификациях трансформации фразеологизмов // Архивариус. 2016. № 2 (6). С. 64–68.

37. Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Фразеологизмы в русской речи : словарь. М. : Русские словари, 1997. 864 с.

38. Калганова В.Е. «Русское» содержание комедий А.П. Сумарокова как средство создания комического // Пушкинские чтения – 2018. Художественные стратегии классической и новой словесности: жанр, автор, текст : материалы XXIII Междунар. науч. конфер. СПб. : Ленингр. гос. ун-т им. А.С. Пушкина, 2018. С. 140–146.

39. Савельев В.С. Типы трансформаций фразеологических единиц в творчестве В. Токаревой // Потенциал современной науки. 2017. № 4 (30). С. 66–68.

40. Жуков А.В., Жукова М.А. Словарь современной русской фразеологии. М. : АСТ-ПРЕСС, 2015. 412 с.

41. Вальтер Х., Мокиенко В.М. Словарь ковидных русских антипословиц-карантинок // Словарь русского языка коронавирусной эпохи / отв. ред. М.Н. Приемышева. СПб. : Ин-т лингвистических исслед. РАН, 2021. С. 432–489.

42. Глазкова С.Н., Родина А.А. Неофраземы с лексемой «душа» (на материале социальной сети «Инстаграм») // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2018. № 3. С. 44–48.

References

1. Mokiенko, V.M. (2003) *Novaya russkaya frazeologiya* [New Russian phraseology]. Opole: Uniwersytet Opolski.

2. Tret'yakova, I.Yu. (2020) Manifestation of systematic modifications of phraseological units in synchrony. *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki*. 2. pp. 27–32. (In Russian).

3. Tret'yakova, I.Yu. (2021) Peculiarities of occasional substitution in phraseological units with a colour-component. *Verkhnevolzhskiy filologicheskii vestnik*. 2 (25). pp. 55–63. (In Russian).

4. Stolyarova, A.N. (2021) О неопраземах-кальках в современных русском и белорусском языках [About neophrasemes-calques in modern Russian and Belarusian languages]. *Izvestiya Gomel'skogo gosudarstvennogo universiteta im. F. Skoriny*. 1 (124). pp. 140–144.

5. Stolyarova, A.N. (2019) [Formation of neophrasemes as a reflection of the action of internal laws of language development]. *Russkiy yazyk na perekrestke epoch: traditsii i innovatsii v rusistike* [Russian language at the crossroads of eras: Traditions and innovations in Russian studies]. Proceedings of the IV International Conference. Yerevan: Russian-Armenian University. pp. 110–115. (In Russian).

6. Stolyarova, A.N. (2020) Ob ekstralingvisticheskoy obuslovlennosti neofrazem [On the extralinguistic conditionality of neophrasemes]. *Vestnik Mozyrskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I.P. Shamyakina*. 1 (55). pp. 132–136.

7. Serebryakova, M.V. (2018) Sovremennye frazeologicheskie novoobrazovaniya: k voprosu o poyavlenii i funktsionirovani [Modern new phraseological formations: on

emergence and functioning]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya*. 3 (20). pp. 92–95.

8. Churilina, L.N. (2020) Internet-diskurs kak sreda formirovaniya novoy frazeologii [Internet discourse as a medium for the formation of a new phraseology]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*. 3 (96). pp. 126–135.

9. Mokienko, V.M. (2019) Sovremennaya slavyanskaya neofrazeologiya: skhodstva i razlichiya [Modern Slavic neo-phraseology: similarities and differences]. In: *Slavyanskie lingvokul'tury v prostranstvennom i vremennom kontinuuime* [Slavic linguacultures in the spatial and temporal continuum]. Gomel: Gomel State University. pp. 137–146.

10. Shulezhkova, S.G. (2019) Russkie i bolgarskie frazeologicheskie neologizmy kak ob'ekt slovarnogo opisaniya [Russian and Bulgarian phraseological neologisms as an object of dictionary description]. *Nauchnyy dialog – Scientific Dialogue*. 9. pp. 173–189.

11. Mokienko, V.M. & Walter, H. (2020) [The third millennium in the mirror of dictionaries of Russian and German phraseological neologisms]. *Russkiy yazyk i kul'tura. Vzaimosvyazi i vzaimodeystvie* [Russian language and culture. Relationships and interaction]. Proceedings of the VI International Pedagogical Forum. St. Petersburg: ROPRYaL. pp. 58–72. (In Russian).

12. Mokienko, V.M. & Nikitina, T.G. (2021) Aksiologiya koronavirusnykh antiposlovits [Axiology of coronavirus anti-proverbs]. *Bohemistyka*. 1. pp. 97–116.

13. Dzhindzholiya, G.P. (2019) Neofrazemy v sovremennom mediatekste [Neophrasemes in modern media text]. *Mediaissledovaniya*. 6. pp. 28–40.

14. Ivanyan, E.P. & Anikin, A.A. (2019) [To be crazy: The existence of a phraseological unit in a new folklore form]. *Ratsional'noe i emotsional'noe v russkom yazyke* [The rational and the emotional in the Russian language]. Proceedings of the 1st International Conference. Moscow: Moscow State Regional University. pp. 272–277.

15. Dekatova, K.I. (2021) Political phraseological neologisms. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2 (155). pp. 117–121. (In Russian).

16. Shulezhkova, S.G. & Mikhin, A.N. (2019) [Problems of comparative Russian-Bulgarian phraseological neography]. *Teoreticheskaya semantika i ideograficheskaya leksikografiya: Slovar'. Diskurs. Korpus* [Theoretical semantics and ideographic lexicography: Dictionary. Discourse. Corpus]. Proceedings of the All-Russian Seminar. Yeekaterinburg: Ural Federal University. pp. 209–219. (In Russian).

17. Nikitina, O.A. & Shteffens, D. (2015) [Structural and semantic features of new phraseological units of the German language and aspects of their lexicographic description in the new German-Russian Dictionary of Neologisms]. *Ustoychivye frazy v paradigmakh nauki* [Set phrases in the paradigms of science]. Proceedings of the 1st International Conference. Tula: Tula State University. pp. 454–464. (In Russian).

18. Mokienko, V.M. & Nikitina, T.G. (2013) *Bol'shoy slovar' russkikh pogovorok* [A large dictionary of Russian sayings]. Moscow: OLMA Media Grupp.

19. Mokienko, V.M. & Nikitina, T.G. (2000) *Bol'shoy slovar' russkogo zhargona* [A large dictionary of Russian jargon]. St. Petersburg: Norint.

20. Walter, H. & Mokienko, V.M. (2005) *Antiposlovitsy russkogo naroda* [Anti-proverbs of the Russian people]. St. Petersburg: Neva.

21. Nikitina, T.G., Rogaleva, E.I. & Ivanova, N.N. (2009) *Bol'shoy slovar' primet* [A large dictionary of superstitions]. Moscow: AST: Astrel'.
22. Nikitina, T.G. (2003) *Slovar' molodezhnogo slenga: (materialy 1980–2000)* [Dictionary of youth slang: (Materials of 1980–2000)]. St. Petersburg: Folio-Press.
23. Fayn, A. & Lur'e, V. (1991) *Vse v kayf* [Everything is a thrill]. St. Petersburg: Lena Production.
24. Nikitina, T.G. (2013) *Klyuchevye kontsepty molodezhnoy kul'tury: tematicheskii slovar' slenga* [Key Concepts of Youth Culture: Thematic Dictionary of Slang]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
25. Savitskaya, T.E. (2013) Internet-memy kak fenomen massovoy kul'tury [Internet memes as a phenomenon of popular culture]. *Kul'tura v sovremennoy mire*. 3. pp. 1–17.
26. Kanashina, S.V. (2017) Stylistic device of defeated expectancy as a specific communicative strategy in internet memes. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*. 10 (187). pp. 9–14. (In Russian).
27. Grigorenko, O.V. (2018) Neofrazemy v sovremennoy politicheskom mediadiskurse [Neophrasemes in modern political media discourse]. *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2 (279). pp. 151–155.
28. Otkidach, N.A. & Romanova, M.S. (2017) [Sources of replenishment of phraseological units of modern Russian language]. *Sovremennye tekhnologii: aktual'nye voprosy, dostizheniya i innovatsii* [Modern technologies: topical issues, achievements and innovations]. Proceedings of the IX International Conference. Penza: Nauka i proshchenie. pp. 129–131. (In Russian).
29. Basko, N.V. (2016) *Frazeologizmy v yazyke Rossiyskikh SMI: leksikograficheskoe opisaniye* [Phraseological units in the language of the Russian media: A lexicographic description]. Moscow: KDU; Universitetskaya kniga.
30. Shulezhkova, S.G. (2018) *Ne smeshite moi podkovy! : slovar' krylatykh vyrazheniy iz mul'tfil'mov* [Dictionary of popular expressions from cartoons]. Magnitogorsk: Magnitogorsk State Technical University.
31. Dyadechko, L.P. (2019) *Slovar' krylatykh slov i vyrazheniy nashogo vremeni* [Dictionary of winged words and phrases of our time]. Moscow: Slovare XXI veka.
32. Sinel'nikova, L.N. (2016) Diskurs frazeologicheskikh novoobrazovaniy [Discourse of new phraseological formations]. *Diskurs-Pi*. 3-4 (24-25). pp. 280–285.
33. Kuznetsov, S.A. (2000) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [A large explanatory dictionary of the Russian language]. St. Petersburg: Norint.
34. Davletbaeva, D.N. (2012) Pragmaticheskie printsipy porozhdeniya okkazyonal'nykh frazeologizmov [Pragmatic principles of generating occasional phraseological units]. *European Social Science Journal*. 4 (20). pp. 258–262.
35. Parfenova, K.S. (2017) O transformatsii frazeologizmov v tekstakh sankt-petersburgskikh gazet [On the transformation of phraseological units in the texts of St. Petersburg newspapers]. *Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal*. 6:4 (21). pp. 143–145.
36. Aymagambetova, M.M. (2016) K voprosu o klassifikatsiyakh transformatsii frazeologizmov [On classifications of the transformation of phraseological units]. *Arkhivarius*. 2 (6). pp. 64–68.

37. Melerovich, A.M. & Mokienko, V.M. (1997) *Frazeologizmy v russkoy rechi: slovar'* [Phraseological units in Russian speech: A dictionary]. Moscow: Russkie slovari.

38. Kalganova, V.E. (2018) [The “Russian” content of A.P. Sumarokov as a means of creating the comic]. *Pushkinskie chteniya – 2018. Khudozhestvennyye strategii klassicheskoy i novoy slovesnosti: zhanr, avtor, tekst* [The 2018 Pushkin Readings. Literary strategies of classical and new literature: genre, author, text]. Proceedings of the XXIII International Conference. St. Petersburg: Pushkin Leningrad State University. pp. 140–146. (In Russian).

39. Savel'ev, V.S. (2017) Tipy transformatsiy frazeologicheskikh edinit v tvorchestve V. Tokarevoy [Types of transformations of phraseological units in V. Tokareva's works]. *Potentsial sovremennoy nauki*. 4 (30). pp. 66–68.

40. Zhukov, A.V. & Zhukova, M.A. (2015) *Slovar' sovremennoy russkoy frazeologii* [Dictionary of modern Russian phraseology]. Moscow: AST-PRESS.

41. Walter, H. & Mokienko, V.M. (2021) Slovar' kovidnykh russkikh antiposlovnits-karantinok [Dictionary of COVID Russian quarantine anti-proverbs]. In: Priemysheva, M.N. (ed.) *Slovar' russkogo yazyka koronavirusnoy epokhi* [Dictionary of the Russian language of the coronavirus era]. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies. RAS. pp. 432–489.

42. Glazkova, S.N. & Rodina, A.A. (2018) Neofrazemy s leksemoy “dusha” (na materiale sotsial'noy seti “Instagram”) [Neophrasemes with the lexeme “soul” (On the material of the social network Instagram)]. *Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'*. 3. pp. 44–48.

Сведения об авторах:

Мокиенко Валерий Михайлович – д-р филол. наук, профессор кафедры славянской филологии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: mokienko40@mail.ru

Никитина Татьяна Геннадьевна – д-р филол. наук, профессор кафедры образовательных технологий Псковского государственного университета (Псков, Россия). E-mail: cambala2007@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Valery M. Mokienko, Dr. Sci. (Philology), professor, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: mokienko40@mail.ru

Tatiana G. Nikitina, Dr. Sci. (Philology), professor, Pskov State University (Pskov, Russian Federation). E-mail: cambala2007@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.01.2022; принята к публикации 22.08.2022

The article was submitted 25.01.2022; accepted for publication 22.08.2022